
«МИРНОЕ РАЗВИТИЕ КИТАЯ» И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.М. Кузнецов

Дальневосточный государственный университет

Аннотация: *В статье рассматриваются возможности оценки превращения Китая в одну из мировых держав средствами современных теорий международных отношений. Западные, прежде всего, американские специалисты, основывающиеся на позициях концепции реализма, однозначно видят в этом процессе угрозу миропорядку. Правительство КНР, с целью снятия негативного восприятия роста мощи своей страны, даже изменило прежний свой слоган «Мирное возвышение Китая» на «Мирное развитие Китая». Одновременно перед научным сообществом страны была поставлена задача разработать свою версию теории международных отношений, в которой новый Китай мог быть представлен как позитивная страна. Оценивая потенциал разработок китайских теоретиков в данной сфере, можно констатировать достижение определенных успехов, связанных с отходом от западоцентризма существующих теорий международных отношений. В статье также ставится вопрос о необходимости внести свой вклад в разработку новых концепций и российским учёным.*

Ключевые слова: *мирное развитие, мирный подъем, Китай, теория международных отношений, незападные теории, китайская школа.*

Формирование нового миропорядка, начавшееся после окончания холодной войны, поставило перед наукой о международных отношениях ряд новых проблем. Одной из них становится необходимость осмысления новой роли Китая. Достигнутые этой страной в последние десятилетия успехи заставили международное сообщество поменять свои некоторые прежние установки. Если в 1990-е гг. по поводу утверждений о превращении Китайской Народной Республики в одну из великих держав, еще могли появляться пренебрежительные замечания, вроде, — «оса — тоже полосатая, но еще не тигр», — то сегодня все, что имеет отношение к этой стране, воспринимается более чем серьезно. Не случайно рассуждения об угрозе китайской силы стали общим положением публикаций и экспертных оценок различных китаеведов. Не менее показательны здесь и утверждения о «самоуверенном отношении этой страны к внешнему миру» [Лукин 2010]. В сложившейся ситуации особо примечательным представляется мнение Г. Моргентау — классика теории реализма. Он еще в 1960-е гг.

утверждал, что скорее, чем российский коммунизм, серьезным вызовом для внешней политики Соединенных Штатов явится движение за независимость Восточной Азии [Shilliam 2011: 1]. Почти сорок лет спустя Д. Мершаймер — другой видный представитель этого направления уже безапелляционно утверждал: «Процветающий Китай не станет силой, признающей сложившееся status quo, но превратится в агрессивное государство, претендующее на утверждение своей гегемонии в регионе» [Mearsheimer 2001: 402]. С течением времени позиция этого автора в отношении Китая не изменилась. Он по-прежнему воспринимает эту страну как «собирающийся шторм» и на все заявления о ее стремлении к миру напоминает мнение ряда западных авторов, начиная с Т. Гоббса, согласно которому: «Государства никогда не могут быть уверены в отношении намерений друг друга» [Mearsheimer 2010: 381]. Другие американские специалисты также солидарны в том, что Китай следует рассматривать как сверхреальную силу и угрозу интересам США в регионе [Kaplan 2010; Rex 2009].

Вполне очевидно, что заявления и оценки подобного рода не могли оставаться без внимания со стороны руководства Китайской Народной Республики, которое вовремя осознало необходимость концептуального обоснования идеи о мирном характере своей нарастающей мощи. Условия для выполнения этой задачи предусмотрительно были заложены еще в начале 1980-х гг. Дэн Сяопином, когда он поставил перед научным сообществом страны четкую цель: «Долгое время мы пренебрегали изучением политической науки, права, социологии и мировой политики, но теперь мы должны поторопиться, чтобы ликвидировать наше отставание в этих областях. Основной массе наших идеологических и теоретических специалистов необходимо глубоко овладеть одной или несколькими из указанных областей знания. Но все те, кто в состоянии проделать такую работу, должны изучать иностранный язык, чтобы свободно работать с основными зарубежными публикациями по проблемам социальных наук» [Hung-Jen Wang 2013: 4].

Показательно, что некоторые авторы (Е Цзычэн, Ли Ян), уже в начале 2000-х гг. поставили вопрос о необходимости проведения в Китае специальных психологических акций. Основная их цель должна была заключаться в формировании в стране сознания принадлежности к великой державе, а за рубежом ее восприятия в таком новом качестве. Появившейся в это время слоган «мирное возвышение Китая», как представляется, и должен был стать ответом китайской стороны на обвинения в неизбежной ее агрессивности. По данным доступных мне источников, впервые тезис о мирном возвышении был представлен в ноябре 2003 г. в выступлении проректора Центральной партийной школы КПК Чжэн Бицзяня, который в 1990-е гг. был зав. отделом пропаганды ЦК КПК. О том, какое значение придавалось данной формуле, свидетельствуют дальнейшие шаги китайской стороны. В декабре данное положение уже было озвучено в одном из выступлений Ху Цзиньтао. Затем в очень сжатые сроки в марте 2004 была подготовлена объемная работа «Мирное возвышение Китая» сотрудников отдела стратегических исследований Шанхайского института международных проблем Ся Липина и Цзян Сиюаня [Ломанов 2005b]. Однако оценка достигнутых таким образом результатов оказалась, по-видимому, не слишком обнадеживающей. Поэтому летом 2004 было принято решение найти более убедительный вариант базового тезиса, закреплявшего в мире положительный образ страны. В результате происходит примечательная корректировка первоначальной формулы и в Отчетном докладе Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК речь уже шла о «мирном развитии Китая» [Ломанов 2005a].

С этого времени новая формулировка ранее предложенного слогана и комментарии к нему широко транслируются в официальных документах и заявлениях руководства КНР, а также в академических публикациях и средствах массовой информации. В частности, на сайте посольства КНР в Москве был выставлен примечательный документ. Согласно этому тексту, путь мирного развития означает: «посредством охраны мира во всем мире заниматься саморазвитием и посредством саморазвития охранять мир во всем мире; одновременно с реализацией развития посредством подчеркивания необходимости за счет собственных сил, ре-

форм и инноваций отстаивать внешнюю открытость, учиться и заимствовать благоприятный опыт других стран; в соответствии с развитием экономической глобализации стремиться к взаимовыгоде и взаимовыигрышу с другими странами, а также к совместному развитию; вместе с международным сообществом продвигать строительство долгосрочного мира, совместного процветания и гармоничного мира». Не менее примечательно уделяемое здесь внимание собственно концепту развитию: «Ярчайшими особенностями данного пути выступают научное развитие, самостоятельное развитие, открытое развитие, мирное развитие, развитие на основе взаимодействия и совместное развитие». Следует также отметить приведенные заявления в готовности отстаивать концепцию «человек превыше всего» и соблюдать права человека. Заслуживает внимания и призыв Китая всем странам мира участвовать в строительстве гармоничного мира.

Однако, документ напоминает, что в своем стремлении к мирному и более справедливому мироустройству, страна не намерена поступаться своими интересами. «К коренным интересам Китая относятся следующие базовые гарантии: национальный суверенитет, национальная безопасность, территориальная целостность, единство страны, политический строй Китая, закрепленный Конституцией Китая, общественная стабильность, а также устойчивое социально-экономическое развитие». Тем не менее, его авторы полагают, что проявленная принципиальность в данном вопросе не противоречит ранее выдвинутым заявлениям. «Мирное развитие Китая развенчало традиционный миф о том, что, укрепив свою государственную мощь, страна всегда превращается в гегемона. Колонизаторство, расширение своего влияния, распространение военной силы и др. — все это относится к старому пути, на который вставали многие державы после своего подъема в период новой истории» [Мирное развитие Китая... 2011].

Произошедшая смена власти в КНР, судя по появившимся сообщениям, уже не вызвала изменений в ранее принятых установках. Так 28 января в Пекине состоялась 3-я коллективная учеба Политбюро ЦК КПК 18-го созыва на тему «Решительно идти по пути мирного развития». Работой этого собрания руководил новый глава партии и страны Си Цзиньпин, который, в частности, сказал: «Мы будем решительно идти по пути мирного развития, но мы категорически не станем отказываться от наших законных прав и интересов и не будем жертвовать ключевыми интересами страны» [Си Цзиньпин...]. Однако, по-видимому, присущая официальным документам и заявлениям подобная амбивалентность целей явилась причиной, по которой зарубежные авторы по-прежнему продолжают обсуждать тезис о мирном, но все-таки возвышении Китая [Buzan 2010; Chin-yu Shin 2013; China's Rise in Historical Perspective... 2010; China's New Diplomacy... 2008].

В приведенном общественно-политическом контексте за рубежом часто как политическая акция воспринимается и призыв разработать для Китая собственную теорию международных отношений. При этом сами китайские специалисты-международники не отрицают, что в данном случае их задача состоит в том, чтобы дать научное обоснование тезису о мирном развитии страны. Но здесь следует отметить, что эта отрасль науки уже в середине 1990-х гг. активно развивалась в КНР. В разных центрах регулярно проходили мероприятия по международным проблемам и издавались переводы работ ведущих зарубежных специалистов в данной области. Новые возможности позволили широкой научной общественности усвоить основные положения современного «мейнстрима» теории международных отношений и таких его направлений, как реализм, либерализм и конструктивизм. Однако распространение западных идей имело и неожиданные последствия, в том числе и стремление некоторых специалистов создавать свою собственную теорию и школу. Примечательно, что предложение о разработке собственной теории, уже было озвучено в 1987 г. на первой большой конференции по международным отношениям в Шанхае. К этому вопросу снова возвращались на конференциях в Пекине в 1991 и 1994 гг. Здесь можно еще упомянуть конференцию «Теория международных отношений в Китае: сравнения и заимствования» (декабрь 2002 г.). Как отметил

Су Чжанхэ (Центр американских исследований Фуданьского университета), «призывы создать как можно быстрее собственную теоретическую школу международных отношений свидетельствуют о нашем недовольстве и даже раздражительности фактом, что мы не имеем своих теорий» [Чжан Жуйчжуан, Королев 2010: 102].

Но после появления известных установок и выхода в свет указанного исследования дело уже не могло ограничиваться только чувствами. Не случайно достаточно оперативно в декабре 2004 г. в Шанхае состоялась конференция на тему «Строить китайскую теорию, создавать китайскую школу». Выступавший здесь с докладом профессор Го Шунун, в частности, сказал: «Целью конференции была попытка продвинуть вперед теоретическое строительство, сущностью которого должна была стать наша китайская специфика... Наша конференция должна стать смелой попыткой преодолеть копирование западных теорий и попытаться перевести гуманитарную науку на китайскую основу» [там же]. Показательно также, что с середины 2000-х гг. наблюдается заметный рост числа публикаций по проблемам теории с китайской спецификой.

Некоторые итоги обсуждения инициативы авторов из Китая уже были представлены на различных конференциях и в ряде специальных публикаций. В свете появившихся материалов можно констатировать, что, несмотря на общую задачу — создание для динамично развивающейся страны собственной теоретической школы, которая должна в полной мере отражать китайское видение международных отношений, разные исследователи предлагают свои варианты ее решения [Contemporary Chinese Political Thought... 2012; Non-Western International Relations Theory... 2010; Zhang Feng 2012]. Среди них имеются и свои скептики, как, например, директор кафедры международных отношений университета Цинхуа профессор Янь Сюэтуан, известный автор исследования «Анализ национальных интересов Китая». Он отстаивает универсальный характер науки, в которой действуют объективные законы, а потому, как нет особой китайской физики, не может быть и какой-то отличной от существующей теории международных отношений. Представители более умеренного крыла сторонников создания собственной школы, Ван Ичжоу (Институт мировой экономики и политики АОН), Су Чжанхэ, Чжан Жуйчжуан (ун-т Ньянкай, кстати, в прошлом докторант К. Уолца) предлагают сейчас не строить амбициозных планов, а вначале сосредоточить свои усилия на проведение методологически корректных прикладных исследований, результаты которых затем можно будет использовать для создания теоретических конструкций. Как писал Чжан Жуйчжуан: «Чтобы не стать предметом насмешек «знатоков», нельзя гнаться за сиюминутным успехом и, пуская пыль в глаза, победно заявлять об основании какой-либо школы» [Чжан Жуйчжуан, Королев 2010: 104].

Однако в Китае есть и более решительно настроенная группа исследователей (Лян Шодэ, Чжан Чжичжоу, Цинь Яцин и др.). Они отстаивают идею о том, что доминирующая сегодня американская теория международных отношений, отражает преимущественно американские национальные интересы, а потому сегодня необходимо пересмотреть представления о международной сфере, основываясь на реалиях других стран и регионов. Собственную теорию международных отношений эти авторы предлагают создавать на основе культурных традиций китайской цивилизации, традиционной китайской философии и китайских исследованиях теории международных отношений. Но в этой теории должно быть отведено место марксистской теории, зарубежным теориям международных отношений и накопленному практическому опыту дипломатии [Huang-Jeng Wang 2013].

Уже самое предварительное знакомство с этим новым явлением — теорией международных отношений с китайской спецификой позволяет констатировать, что вокруг него сложилась такая ситуация, при которой в рамках одной статьи невозможно проанализировать весь круг возникающих вокруг него вопросов. Сложность здесь заключается не только в языковом барьере, но и нарастающей популярности данного сюжета у специалистов других стран. Тема китайской (и более широко — незападной) теории международных отношений

активно обсуждается в Западной Европе (прежде всего в Великобритании и Германии), США, других странах, но не в России. [Воскресенский 2013; China's Rise... 2010]. Собственно политические аспекты явления «китаизации международных отношений» также стали предметом специального исследования [Chin-yu Shin 2013]. Поэтому я могу здесь ограничиться рассмотрением некоторых концептуальных положений работ китайских специалистов и их верификацией в общем контексте современной теории и методологии науки. Среди доступных мне материалов наибольший интерес для анализа такого рода представляют публикации профессора Цинь Яцина. В свое время этот исследователь, прошедший обучение и в США, занимал посты исполнительного вице-президента международных исследований Китайского университета иностранных дел и вице-президента Национальной ассоциации международных исследований Китая. При этом он является не только одним из адептов идеи о необходимости разработки собственной теории, но и вносит активный вклад в ее создание.

Признавая тот факт, что традиционная картина мира Китая не содержала в себе идеи «интернациональности», этот автор уверен, что китайская философия и, прежде всего, ее конфуцианское направление обладает необходимым концептуальным потенциалом для переосмысления существующего миропорядка. Прежде всего, в своих построениях Цинь Яцин обращается к такому значимому для конфуцианства понятию как «тянься», буквально означающему поднебесное пространство. Он также использовал традиционные представления о системе даннических отношений. Автор признает, что в основе такой системы находится установка на социальное неравенство. Но для него такие отношения все равно лучше, чем те равные, но враждебные взаимодействия, которые устанавливаются в гоббсианских джунглях. Не принимает Цинь Яцин также равные, но соревновательные отношения в локкианском обществе и даже равные и дружественные связи, характерные для кантианской культуры. Ведь со времен Конфуция даннические отношения в Китае — это такие связи, которые устанавливаются на неравенстве отношений отца и сына, и поэтому они всегда носят характер уважения и почтительности.

Еще одной основополагающей для концепции Цинь Яцина стала категория «датун», воплощающая в себе представление о гармонии мира. Емкость содержания и исходная взаимосвязь данных категорий, по мнению автора, открывает новые возможности для исследователя. Поскольку идея «тянься» несет в себе как физический, так и культурный смысл, то она позволяет, как полагает Цинь Яцин, расширить применение категории «датун» и тем самым реализовать идеал единства человека и природы. В результате же объединения всех указанных базовых категорий, как считает автор, возникают условия для создания целостного (холистического) мировоззрения, совершенно необходимого в современных условиях. Ведь мы все чаще имеем возможность убедиться в том, как даже совершенно разные явления могут дополнять друг друга [Qing Yaqing 2010b: 15]. Как раз такая целостность, позволяющая совмещать природные, сверхъестественные и моральные начала, по его мнению, является характерным признаком традиционного китайского мировоззрения [Qing Yaqing 2010b:14].

Очень существенно, что уже на этом базовом мировоззренческом уровне Цинь Яцин находит принципиальное различие с западной традицией, предлагающей «индивидуалистическое расчленение видения этого мира» [Qing Yaqing 2010b: 16]. Еще одно отличие двух рассматриваемых традиций он связывает с особенностями построения в них социальных теорий. «Я утверждаю, что ядро социальной теории состоит из двух компонентов: первый из них является физическим/материальным, а другой — метафизическим/идеальным... При этом идеи, которые возникают в метафизическом компоненте, являются культурным наследием истории, но не простым эмпирическим обобщением. По определению они являются спекулятивными идеями, которые не восходят к реальности (хотя они родственны реальности и даже могут сами создавать реальность)» [Qing Yaqing 2010b: 12]. Как считает автор, «в научных дискуссиях на Западе обычно пренебрегают этим метафизическим компонентом теоретического ядра, являющегося наиболее важной частью традиционной китайской

философии». С этой причиной он связывает формирование прямолинейно прагматического (реалистского) подхода, при котором «у разных вариантов мейнстрима теории международных отношений в Соединенных Штатах есть одно объединяющее их свойство: как решать серьезную проблему гегемонии США в международной системе, сформировавшейся после второй мировой войны, или как сохранить эту гегемонию». Поэтому Цинь Яцин не видит причин, почему китайская теория не может обосновывать мирное развитие Китая. Но в то же время он считает необходимым подчеркнуть: «Я больше уделяю внимание культурным и идеальным характеристикам подобной базовой идеи. Причем, по моему убеждению, такая идея не возникает целиком в реальности современности». То есть, надо понимать, что речь идет о более сложном восприятии современных проблем, при котором они преломляются через особые культурную и историческую призмы в рамках особой репрезентативной системы [Qing Yaqing 2010b: 13].

В выявлении других особенностей разных школ в данной сфере нашему автору очень помог американский исследователь У. Каллахан. Последний утверждал, что в основе любой теории международных отношений находится «большая идея». Для Цинь Яцина очень важен вывод его коллеги, согласно которому для американской школы такой идеей является демократический мир. В основании английской школы тот видел идею международного сообщества, китайской — всеобщей великой гармонии (датун). На этом основании китайский автор довел позицию американского специалиста до логического завершения: «Любая социальная теория является с самого начала этноцентричной». Следовательно, она и должна основываться на традиционных началах своей страны [Qing Yaqing 2010b: 14]. Но для того, чтобы вернуться к своим мировоззренческим основам, считает автор, китайскому обществу и интеллектуалам понадобилось по-новому соотнести свою страну с международным сообществом. Пришлось им также отказаться от революционных идей борьбы со своим традиционным наследием. Только в силу того обстоятельства, что последние три десятилетия в Китае связаны с началом «нереволюционной эры развития», полагает автор, стало возможным, как возрождение в нем традиционных основ, так и принятие некоторых западных образцов [Qing Yaqing 2010b: 18].

Обратившись к более конкретным вопросам современной теории международных отношений, Цинь Яцин продолжил поиски собственного пути осмысления сферы международных отношений. Его не интересует категория интереса как одной из основополагающих категорий американской школы — о ней и так было много дебатов. В фокусе внимания китайского теоретика сначала оказалось одно из базовых положений английской школы, которое приобрело широкое признание и в других западных направлениях. «Идентичность или конфронтация идентичностей является ключевым вопросом, который лежит в основе любой дискуссии о признании международного сообщества в качестве первичного института» [Qing Yaqing 2010a: 130]. Но Цинь Яцин видит исходную ограниченность категории идентичности как базового концепта, которую он отметил во время дебатов с Б. Бузаном — одним из лидеров английской школы. Прежде всего, этот концепт имеет очень сильную индивидуалистическую направленность. Поэтому попытки представить его как характерную черту всего международного сообщества вызвали возражение у китайского автора. Еще один недостаток идеи идентичности был связан с его неявным конфликтным содержанием. «Дело заключается в том, что системы ценностей, культуры и цивилизации почти невозможно непосредственно воспринимать и за ними все еще сохраняется диалектика конфликта: ты или наш или чужой. Здесь нет какого-либо среднего пути» [Qing Yaqing 2010a: 136]. В подтверждение правомочности своей позиции Цинь Яцин задает вполне резонный вопрос: если нации Восточной Азии имеют так много общего в ценностях, культурах и институтах, то тогда почему у них остается масса противоречий? [Qing Yaqing 2010a: 137].

Следующее обстоятельство, которое не может принять китайский автор, заключается в стремлении подогнать все страны под единую шкалу, включающую в себя вестфальский и

постфестфальский типы государства. Последний тип, как известно, характеризуется приверженностью идее прав человека, демократии и зеленого мира. Не секрет также, что у КНР и возникают трудности в отношениях с Западом именно по данным показателям. По мнению Цинь Яцина, основная проблема с подобными универсалистскими претензиями сегодня, заключается в следующем. «Поскольку европейское международное сообщество определяется в качестве субъективной целостности, китайское, индийское и мусульманское общества становятся его альтернативами или «другими», а поскольку европейское международное сообщество представляется в качестве модели, то другие общества не воспринимаются как относящиеся к модерну» [Qing Yaqing 2010a: 134]. Поэтому этих «других» надо еще «подтягивать» до соответствующего уровня развития, «дообразовывать» и, вообще, «модернизировать». Не удивительно, что наш автор присоединяется к упрекам подобной трактовки международного сообщества в статичности и стереотипности, а также ее сугубо европейской ограниченности.

Выход из установленных ограничений и преодоление отмеченных недостатков сам Цинь Яцин надеется осуществить с помощью дуалистически-структурированного подхода, основанного на китайском стиле мышления, китайской диалектике и китайском понимании сущности общества. Подход такого рода предписывает учитывать отношения ego-(я) — общность [Qing Yaqing 2010a: 131]. Принципиальная особенность данных оснований и предлагаемого на их основе нового подхода, по мнению автора, заключается в том, что «китайская диалектика не рассматривает противопоставление тезиса и антитезиса, но ратует за ко-тезисность или межтезисную дополнительность». Из подобной теоретической посылки вполне логично вытекает принципиально важный для Цинь Яцина вывод: «Поскольку идея ко-тезиса изначально является неконфликтной, фундаментальные взаимоотношения между ними (т.е. исходными тезисами — А.К.) скорее будут гармоничными, чем конфликтными» [Qing Yaqing 2010a: 139–140]. Автор также понимает, что использование указанных традиционных мировоззренческих установок, не дает необходимого эффекта без формирования особого мышления, направленного на анализ взаимоотношений («мышление взаимоотношений»). По мнению Цинь Яцина, «такой стиль мышления или мировоззрение в качестве ключевого момента для понимания мира и общества больше обращает внимание на взаимодействие между объектами, чем на свойства самих объектов. Поскольку акторы являются взаимодействующими акторами, они действуют по нормам взаимоотношений, происходящих в сложно организованных обществах. По этой причине действующие правила и институты предназначены управлять не отдельными акторами, но отношениями между акторами». Приведенные достаточно абстрактные основания позволили автору сделать вполне конкретные выводы, к примеру: «Когда изменяются отношения, меняются и идентичности» [Qing Yaqing 2010a: 139]. Здесь вполне уместно будет напомнить общепринятый на Западе тезис, согласно которому как раз идентичность определяет политику и политическое поведение.

Еще одним значимым следствием использования приведенных оснований является возможность новой трактовки концепта общество. В рамках мышления взаимоотношений и комплиментарной диалектики общество может быть представлено как сложность связей взаимодействия и открытый процесс. Поэтому Цинь Яцин предлагает и свое видение международного сообщества скорее, как процесса, чем целостности, а также как комплекса сложных, запутанных и продолжающихся взаимоотношений» [Qing Yaqing 2010a: 141]. Представленные идеи затем получили развитие в последующих работах данного автора. Здесь будет уместно снова напомнить о конкурирующих с предложенными данным автором разработках в области теории, которые предлагается выстраивать в том числе и на основе базовых положений даосизма (профессор Янь Сюэту).

Таким образом, несмотря на весь скепсис и критические замечания по поводу создания китайской теории международных отношений, на примере работ Цинь Яцина можно конста-

тировать, что в них уже заложена серьезная альтернатива западным и, прежде всего, американским концептуальным основаниям осмысления миропорядка. Конечно, эти подходы и связанные с ними идеи еще нуждаются в более углубленной разработке. В этом смысле точка зрения, согласно которой дискурс о китайской школе в теории международных отношений — это в большей степени дискурс о ее будущем состоянии, вполне правомерна. Однако, значение полученных китайскими специалистами результатов становится более убедительным, если их рассматривать в общем контексте достижений и проблем современной научной теории и методологии. К сожалению, при проведении подобного анализа мы сначала должны учитывать высокую степень политизированности, как существующего теоретического арсенала науки о международных отношениях, так и социально-гуманитарного знания в целом. По признанию того же Р. Шиллиама: «Определение того, кто может «мыслить» и создавать достоверное знание о человеческом существовании, всегда было вопросом политики». [Shilliam 2011: 2].

До недавнего времени в области международных отношений не было особой проблемы с пониманием того, кто именно может создавать теории для осмысления данной сферы. Не случайно С. Хоффман одну из своих работ 1977 г. весьма недвусмысленно назвал «Международные отношения — это американская социальная наука» [Hoffman 1977]. Однако, к началу 2000-х гг. и у американских авторов возникли сомнения по данному вопросу, которые отразились, например, в появлении издания, в названии которого данный тезис уже фигурировал со знаком вопроса [International Relations — Still an American... 2001]. Основанием для таких примечательных перемен во взглядах вполне могло стать возникновение той же английской и копенгагенской школ международных отношений. Но, как это часто происходит в таких случаях, размывание прежних устоев дисциплины стало рассматриваться как симптом поразившего ее кризиса. Теперь нет недостатка в разного рода критических выпадах по поводу теории международных отношений, вплоть до полного отрицания ее значения. Очень показательной здесь является позиция того же К. Гоулдмана: «Политическая наука оказалась слабой относительно предсказания будущего, ее причинно-следственные модели шаткими, следовательно, выводы академических исследований международных отношений нельзя принимать всерьез как руководство к действию» [Кеохейн 1999: 439]. Не менее примечательным выглядит тот факт, что на 53-й конференции Ассоциации международных исследований (апрель 2012, г. Сан-Диего) были проведены три специальных заседания на тему «конец теории международных отношений?».

Однако еще в начале 1980-е гг. произошли события, которые сначала не привлекли особого внимания специалистов в сфере теории международных отношений. Тогда индийские исследователи поставили вопрос о незападной перспективе в данной области. Затем группа представителей стран из третьего мира обратилась с призывом пересмотреть существующие нормы, регулирующие международные отношения, на том основании, что они созданы западными странами и отражают их реалии [Anthropological Diplomacy... 1982]. Но в начале 2000-х гг. инициативу, направленную на признание права создавать теории за границами Запада, уже поддерживают специалисты разных стран [36]. Начавшееся в это же время развитие таких направлений в социальной теории, как ориентализм, постколониализм, исследования культуры и др., со всей определенностью позволило обрисовать проблему евро-американской ограниченности существующего теоретического аппарата науки [Hobson 2012; International Relations and Non-Western... 2011; Postcolonial Theory and International relations 2013; Seth 2013; Vucetic 2011]. Не удивительно, что европейские социальные теоретики и, прежде всего, У. Бек, настойчиво призывают к преодолению «методологического национализма». Речь здесь идет, в том числе, о широко распространенной практике, когда реалиям одной конкретной страны или общества предписывался глобальный характер. Следовательно, призыв к созданию собственной китайской школы теории международных отношений в приведенном контексте вполне соответствует общему тренду развития последних 30 лет в данной сфере.

Постмодернистский вызов и современные представления о сфере социально-гуманитарного знания покончили с объективистскими настроениями и показали реальную специфику данной области исследований, в которой взаимодействуют разные интересы, представления о ценностях, установки, мнения и т.д. Поэтому, в отличие от естественных наук, в которых не может быть китайской физики, китайская теория международных отношений вполне правомерна в современной социально-политической науке. Вместе с тем, ряд положений, приведенных в публикациях профессора Цинь Яцина, вполне согласуется с рядом важных принципов научной теории, прежде всего, речь может идти о принципе дополнительности. Еще одним бесспорным достижением работ данного теоретика является осознание им важности изучения взаимоотношений и взаимодействий в современном научном анализе. Традиция исследования данных явлений была характерна для французского структурализма, но не для англосаксонской школы, озабоченной проблемой функций. Однако для международной сферы взаимоотношения — является одной из основополагающих категорий. Учитывая также современный тренд движения разных дисциплин в сторону нейронауки (нейроэкономика, нейросоциология, нейроантропология и др.), представляется очень актуальным поставленный китайским теоретиком вопрос о необходимости формирования «мышления взаимоотношений». В целом же, работы Цинь Яцина представляют наглядный пример успешной реализации междисциплинарного подхода к проблеме, о котором много рассуждают, но мало кто способен продемонстрировать в реальной практике.

Вместе с тем, необходимость обоснования тезиса о возможности нормального (мирного) взаимодействия различных акторов в условиях дополнительности, оказала влияние на позицию Цинь Яцина. Она несет на себе отпечаток той же одномерной упрощенности, что и позиция наступательных реалистов, усматривающих в любой силе только угрозу. В рамках же предлагаемого данным автором мышления взаимоотношений более правомерно рассматривать данную проблемную ситуацию следующим образом: отношения между сильными государствами могут складываться как мирным, так и немирным образом. В любом случае, вывод, согласно которому в рассматриваемых обстоятельствах нет фатальной обреченности на конфликт, уже имеет большое значение. Но точно также в предлагаемой китайским теоретиком логике становится очевидным, что ситуация в Восточной Азии и на более глобальном уровне будет определяться не только позицией самого Китая, но также и политикой в его отношении других государств. В результате происходящего взаимодействия разных сторон и будет определяться конкретный характер их взаимоотношений на каждом определенном этапе. Не стоит также забывать, что формирующие определенную политику решения и связанные с ними конкретные действия во много будут задаваться сложившимися у каждой из сторон представлениями о сути возникающих проблем и способах их эффективного разрешения. В свою очередь, представления такого рода будут основываться на реалиях и историческом опыте различных государств. Поэтому собственная теория международных отношений нужна Китаю не только для того, чтобы решить конкретную задачу обосновать тезис о мирном характере развития страны. Она также нужна для того, чтобы найти свое место в складывающемся новом миропорядке.

Однако, признание возможности мирного развития Китая и права на существование китайской теории международных отношений ставит перед нами еще одну проблему, от обсуждения которой я не могу уклониться. Суть ее заключается в том, что, если сегодня один из трендов развития теории международных отношений связан с отходом от евро-американской ограниченности, то, какое место в нем должна занять российская наука? Анализ положения дел в концептуальной сфере нашей науки дает основание предполагать, что, в отличие от Китая, мы в большей степени еще остаемся на стадии освоения американских и некоторых европейских наработок [Коньшев, Сергунин 2013]. Определенная работа проделана также по классификации внешнеполитических взглядов наших лидеров. Между тем в нашей отечественной традиции есть свои достижения, которые становятся актуальными в современных

условиях. Для меня особый интерес в данном контексте представляет сходство основных идей, развиваемых сегодня китайским теоретиком Цинь Яцином, и ряда положений теории этноса С.М. Широкогорова. Российский теоретик еще в 1920–1930-х гг. также уделял большое значение анализу различных связей и взаимоотношений, как в самой этнической общности, так и между разными средами и другими общностями. При этом он показал, что отношениям между разными этническими общностями не сводятся только к одному варианту, но могут принимать разные формы: комменсализма (фактически, нейтральные), сотрудничества, достигающего до кооперации (дополнительности), и менее желательной — паразитизма (на основе подчинения) [Широкогородов 1923: 101–102]. В рассматриваемой теории важное место также отведено идее психоментального комплекса, которая, включая в себя различные проявления сознательной и бессознательной сфер существования общности и индивидов, вобрала в себя многие явления, традиционно относимые к области культуры. Представления о себе и своих соседях, как в виде этнических стереотипов, так и научного знания, рассматривались С.М. Широкогородовым в качестве составной части психоментального комплекса конкретной этнической общности [Shirokogoroff 1935].

Новаторский подход российского исследователя позволил ему также предложить идею «лидирующего этноса», который определялся как «... процесс, который завершается возникновением этнических общностей или группы этнических общностей, становящихся в разные исторические периоды образцами для других этнических групп. [Shirokogoroff 1935: 21]. В силу действующих механизмов функционирования психоментального комплекса роль лидера влечет за собой, как полагал С.М. Широкогородов, важные последствия. «Лидирующая общность обычно убеждена в своем полном превосходстве, в праве управлять другими общностями, а когда необходимо, то и уничтожать их во имя «прогресса», справедливости, бога и других оправдывающих обстоятельств, выбор которых исключительно зависит от существующего психоментального комплекса. Такая общность не верит в свое временное существование, но настроена на то, что достигнутое ею положение будет сохраняться вечно» [Shirokogoroff 1935: 22]. Следовательно, «реалистский» прогноз в отношении мирного подъема Китая также имеет под собой основания. Только теперь пред нами открывается новая грань этой проблемы: сможет ли Китай, по мере нарастания своих успехов, избежать этих соблазнов лидирующего этноса.

Воскресенский А.Д. 2013. *Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений* // *Полис..* № 6.

Кеохейн Р. 1999. *Международные отношения: вчера и сегодня* // *Политическая наука: новые направления*. Под ред. Р. Гулдина, Х. Клингеманна. М.

Коньшев В.Н., 2013. *Сергунин А.А. Теория международных отношений: канун «великих дебатов»? // Полис. № 1.*

Ломанов А. 2005а *Мирное возвышение Китая* URL www.globalaffairs.ru

Ломанов А. 2005b *Чжунго хэтин цзюэци (Мирное возвышение Китая)* URL www.globalaffairs.ru

Лукин А.В. 2010. *Внешняя политика Пекина — новый поворот?* URL www.mgimo.ru/news

Мирное развитие Китая... 2011. *Мирное развитие Китая 2011/09/06* URL www.china-embassy.org

Си Цзиньпин. Китай будет решительно идти по пути мирного развития, но при этом считает недопустимым жертвовать ключевыми интересами государства. URL www.cntv.ru

Чжан Жуйчжуан, А. Королев. 2010. *Теория международных отношений с китайской спецификой: современное состояние и тенденции развития // Проблемы Дальнего Востока. № 3.*

Широкогоров С.М. 1923. *Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай.*

Anthropological Diplomacy: Case Studies in the Application of Anthropology to International Relations. Studies in the Third World Societies. Ed. by H. Sutlive, N. Altshuler, M. Zamora. Department of Anthropology. Williamsburg. 1982

Buzan B. 2010. *China in International Society” Is “Peaceful Rise” Possible? // The Chinese Journal of International Relations. Vol. 3. N 1.*

Chin-yu Shin. 2013. *Sinicizing International Relations. Self, Civilization, and Intellectual Politics in Subaltern East Asia. NY. Palgrave Macmillan.*

China's Rise in Historical Perspective, ed. by B. Womack, L. Dittoner, E. Downs. Rowman and Littlefield Publishers. 2010. 266 p.

Contemporary Chinese Political Thought. Debates and Perspectives, ed. by F. Dallmayr, Zhao Tingyang. Lexington. The University of Kentucky. 2012

China's New Diplomacy. Technical or Fundamental Change? Ed. by S. Harris, P. Kerr, Qin Yaqing. NY. Palgrave Macmillan Press. 2008

Hobson J.M. 2012. *The Eurocentric Conception of World Politics. Western International Relations Theories 1760–2010. Cambridge. Cambridge University Press.*

Hoffmann S. 1977. *An American Social Science: International Relations // Daedalus. Vol. 106. N 3.*

Hung-Jen Wang. 2013. *The Rise of China and Chinese International Relations and Scholarship. Lexington Books.*

International Relations and Non-Western Thought. Imperialism, Colonialism and Investigation of Global Modernity ed. by R. Shilliam. NY., L. Routledge. 2011. 272 p.

International Relations — Still an American Social Science? Towards Diversity in International Thought, ed. by R. Crawford. D, Jervis. Albany. State University of New York Press. 2001. 403 p.

Kaplan R.D. 2010. *The Geography of Chinese Power // Foreign Affairs. May/June. 89/3.*

Mearsheimer J.J. 2010. *The Gathering Storm: China's Challenge to US Power in Asia // The Chinese Journal of International Policy. Vol. 3.*

Mearsheimer J. 2001. *The Tragedy of Great Power Politics. NY. WW Norton.*

Non-Western International Relations Theory. Perspectives on Beyond Asia. Ed. By A. Acharya, B. Buzan. Routledge. 2010. 256 p.

Postcolonial Theory and International Relations: A Critical Introduction. Ed. by Seth Sanjay.L., NY. Routledge. 2013. 203 p.

Qin Yaqing. Culture and global thought: Chinese international theory in the making URL <http://www.google.gtmUL>

Qin Yaqing. Chinese Culture and its Implication for Foreign Policy-making // www.ciis.org.cn

Qin Yaqing 2010a. *International Society as a Process: Institutions, Identities, and China's Peaceful Rise // The Chinese Journal of International Politics. Vol. 3.*

Qin Yaqing 2010b. *Why is There no Chinese International Relations Theory? //Non-Western International Relations Theory? Perspectives on and beyond Asia, ed. by A. Acharya, B. Buzan. L., NY. Routledge.*

Rex L. 2009. *Rising China and Security in East Asia. Identity construction and security discourse. L. Routledge.*

Seth Sanjay. 2013. *Postcolonial theory and the critique of International Relations. Postcolonial Theory and International Relations: A Critical Introduction. Ed. by Seth Sanjay. L., NY. Routledge.*

Shilliam R. 2011. *Non-Western thought and international relations. International Relations and Non-Western Thought. Imperialism, Colonialism and Investigation of Global Modernity* ed. by R. Shilliam. NY., L. Routledge.

Shirokogoroff S.M. 1935. *Psychomental Complex of the Tungus*. L. Kegan & Paul.

The Zen of International Relations Theory from East to West, ed. by S. Chan, P. Mandaville, R. Bleiker. Palgrave Macmillan. 2001. 266 p.

Vucetic S. 2011. *The Anglosphere, A Genealogy of a Racilized Identity in International Relations*. Stanford. Stanford University Press.

Zhang Feng. 2012. *Debating the “Chinese Theory of International Relations”: Toward a New Stage of China’s International Studies // Contemporary Chinese Political Thought. Debates and Perspectives*, ed. by F. Dallmayr, Zhao Tingyang. Lexington. The University of Kentucky Press.